

Екатерина Мордвинцева

**Из грязи в князи. Принцесса
по контракту**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М79

Мордвинцева Е.
М79 Из грязи в князи. Принцесса по контракту / Екатерина Мордвинцева – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 232 с.

ISBN 978-5-524-00425-3

Она — лучшая наёмница Порт-Костей. Дерзкая, циничная, недоверчивая. Он — аристократ, который нанимает её для поиска семейной реликвии. У них нет ничего общего, кроме взаимной антипатии и контракта. Но дорога длинна, опасности подстерегают на каждом шагу, а ночёвки у костра сближают даже врагов. Когда стены между ними рушатся, они понимают: это не просто страсть. Это нечто большее. Но что, если тайна, которую он скрывает, перевернёт всё? И что, если она — не та, за кого себя выдаёт?

ISBN 978-5-524-00425-3

© Lennex Corp, 2026
© Е. Мордвинцева, 2026

Екатерина Мордвинцева

**Из грязи в князи.
Принцесса по контракту**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М79

Мордвинцева Е.

М79 Из грязи в князи. Принцесса по контракту / Екатерина Мордвинцева. – М.: Литнет, 2026. – 232 с.

ISBN 978-5-524-00425-3

Она – лучшая наёмница Порт-Костей. Дерзкая, циничная, недоверчивая.

Он – аристократ, который нанимает её для поиска семейной реликвии. У них нет ничего общего, кроме взаимной антипатии и контракта. Но дорога длинна, опасности подстерегают на каждом шагу, а ночёвки у костра сближают даже врагов. Когда стены между ними рушатся, они понимают: это не просто страсть. Это нечто большее. Но что, если тайна, которую он скрывает, перевернёт всё? И что, если она – не та, за кого себя выдаёт?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00425-3

© Литнет, 2026

© Мордвинцева Е., 2026

Глава 1

Королевский дворец. За два часа до полуночи

Нянька Агата уже тридцать лет служила королевской семье. Она вынянчила самого короля, когда тот был ещё крикливым младенцем, потом его сестру, а теперь вот дождалась и маленькую принцессу. Агата знала о дворце всё: какие половицы скрипят громче других, в каком углу кухни лучше всего прячут пирожки, и что звёзды этой осенью горят особенно ярко – к переменам.

– К добру ли? – пробормотала она, выглядывая в окно детской.

Луна висела над башнями огромная, жёлтая, как спелая тыква. Её свет заливал детскую серебром, отражался в хрустальных подвесках люстры и путался в кружевных занавесках.

За её спиной в колыбели заворочалась принцесса. Агата тут же обернулась, забыв о звёздах.

– Тсс, маленькая, – прошептала она, поправляя одеяльце. – Спи, моя хорошая.

Девочка смотрела на неё сонными глазами – огромными, синими, как васильки. На левом плече, выглядывавшем из-под кружевной рубашечки, розовело родимое пятно в виде лилии. Агата перекрестилась, глядя на него. Божья отметина, знак древнего рода. Говорили, что все короли этого дома рождались с таким знаком и что он приносит удачу.

– Удача нам не помешает, – вздохнула женщина, укладывая девочку поудобнее.

Сегодняшний день выдался тяжёлым. Утром приезжали послы из соседнего королевства, и весь дворец стоял на ушах. Король принимал гостей в тронном зале, королева мучилась мигренью, а маленькую принцессу таскали на смотрины три раза. Бедный ребёнок устал так, что заснул прямо во время обеда, уткнувшись носом в кашу.

– Спи, рыбонька, – пропела Агата тихонько колыбельную, ту самую, что пела ещё королю. – Баю-баюшки-баю...

Девочка зевнула, смешно сморщив носик, и закрыла глаза. Её маленький кулачок разжался, выпуская край одеяла, и безвольно упал на подушку.

Агата посидела рядом ещё немного, глядя, как вздымается и опускается детская грудка. Потом поднялась, тяжело опираясь на поясницу, и доковыляла до своего кресла у камина. Ноги гудели после целого дня на ногах. Хорошо бы сейчас горячего чаю с мятой, но будить служанок среди ночи не хотелось.

Дрова в камине весело потрескивали, выплёвывая искры в чёрное жерло трубы. Агата подложила ещё одно полено, прикрыла глаза... И сама не заметила, как провалилась в сон.

Ей снился странный сон. Будто она снова молодая, бежит по зелёному лугу за своим женихом, а тот оборачивается и машет ей рукой. Но чем ближе она подбегает, тем темнее становится небо, тем сильнее ветер, и жених вдруг превращается в чёрную тень, которая тянет к ней руки...

Агата вздрогнула во сне и плотнее закуталась в шаль. Ей стало холодно. Очень холодно, хотя камин всё ещё горел.

Тьма в углу детской сгустилась настолько, что стала почти осязаемой. Она не вползала – она просто проявлялась, вытекая из щелей между камнями, из теней от мебели, из самой ночи за окном.

Человек в чёрном плаще с капюшоном стоял неподвижно, словно статуя, и смотрел на спящую няньку. Он ждал ровно столько, сколько нужно, чтобы убедиться: женщина видит десятый сон и не проснётся.

Тогда он двинулся к колыбели.

Он не касался пола. Точнее, касался, но его шаги были тише падения пылинок. Тьма послушно расступалась перед ним и смыкалась за спиной, не оставляя следов. Он был тенью среди теней, кошмаром, принявшим человеческое обличье.

Колыбель. Кружева. Маленький свёрток, в котором спало будущее королевства.

Человек наклонился, и лунный свет на мгновение выхватил из-под капюшона жёсткую линию челюсти и тонкие, бескровные губы. Глаза его блеснули – жёлтые, волчьи, нечеловеческие.

– Здравствуй, маленькая королева, – прошептал он голосом, похожим на шелест сухих листьев. – Давно мы тебя ждали.

Пальцы в чёрных перчатках, расшитых серебряными нитями (потускневшими, старыми, словно их носили уже много лет), сомкнулись над ребёнком.

Девочка во сне нахмурилась. Она почувствовала холод – не тот, что приходит с морозного воздуха, а другой, пронизывающий до костей, высасывающий тепло. Её губки дрогнули, она собиралась заплакать.

Но человек шевельнул пальцами, и тьма окутала ребёнка плотным коконом. Звук умер, не успев родиться. Запахи исчезли. Осталась только тишина – ватная, глухая, мёртвая.

Человек поднял принцессу на руки. Она была лёгкой, почти невесомой. Он спрятал её под плащ, прижимая к груди, и та – крошечный свёрток – даже не шелохнулась, загипнотизированная тёмной магией.

Путь обратно занял ещё меньше времени. Тень, породившая его, уже ждала, готовая поглотить и спрятать.

На пороге, у самого выхода в коридор, человек обернулся.

Нянька спала в кресле. Камин догорал, роняя красные угли. В детской было тихо и пусто. И только одеяльце, сбитое в спешке, свешивалось из колыбели до самого пола, покачиваясь на сквозняке, которого никто не замечал.

Человек улыбнулся – одними уголками губ – и растворился во тьме коридора.

Когда утром кормилица вбежала в детскую с бутылочкой тёплого молока, она увидела только пустую колыбель и спящую няньку. Агата всё ещё видела свой странный сон про жениха и тень, и улыбалась во сне, не зная, что её жизнь только что разделилась на «до» и «после».

Кормилица замерла на пороге. Бутылочка выскользнула из онемевших пальцев и разбилась о каменный пол с оглушительным в этой тишине звоном.

– А-а-а-а! – закричала она так, что проснулась Агата, а через минуту – всё королевское крыло. – Принцесса! Принцесса пропала!

Крик ужаса разорвал утреннюю тишину дворца, заметался под сводами, влетел в покои короля и королевы, разбудил стражу, всполошил слуг.

Агата смотрела на пустую колыбель и не могла пошевелиться. Её руки, вынырившие двух королей и принцессу, безвольно лежали на коленях. Она знала: её казнят. Но сейчас ей было всё равно. Потому что в груди, там, где должно быть сердце, зияла пустота, такая же холодная и чёрная, как та тьма, что приходила ночью.

Часть вторая. Утро нерождённой клятвы

Замок герцогов Кортейнов. То же утро.

Маленький лорд Корин проснулся оттого, что кто-то бесцеремонно отдёргнул одеяло.

– Вставай, соня, – раздался над ухом бодрый голос его наставника, мастера Торвальда. – Сегодня великий день. Твоя жизнь изменится навсегда.

Корин зарылся лицом в подушку и издал нечленораздельный звук, означающий примерный перевод с детского: «Отстаньте все, я сплю».

– Не поможет, – хмыкнул Торвальд и ловко стащил подушку. – Герцог приказал привести тебя в парадный вид к завтраку. Если ты опоздаешь, он снова будет читать нам лекцию о дисциплине. А я эту лекцию слышал уже двести раз, и, поверь, с каждым разом она становится всё скучнее.

Корин приоткрыл один глаз. Мастер Торвальд – огромный, бородатый, с руками, похожими на две окорока – стоял над ним, упреив

кулачищи в бока. Он был единственным человеком в замке, кто от-носился к маленькому лорду не как к хрупкой вазе, а как к нормаль-ному пацану. Именно Торвальд учил его фехтовать (деревянными мечами, но всё же), стрелять из лука и лазать по деревьям в саду, пока отец не видит.

– А что за день-то? – пробормотал Корин, садясь и протирая глаза.

– Тебе шесть лет, – Торвальд ухмыльнулся в бороду. – Пора бы уже запоминать такие вещи. Сегодня ты едешь во дворец. К коро-лю. Будешь обещать жениться на его дочке.

Корин замер с подушкой в руках.

– Чего?

– Того. Помолвка. Договор между семьями. Ты, главное, там не ляпни чего лишнего, – наставник подмигнул. – А то знаю я те-бя. В прошлый раз ты при встрече с послами спросил, правда ли у них из ушей растут волосы.

– Так у него правда росли! – возмутился Корин.

– Росли. Но говорить об этом вслух не стоило. Ладно, одевайся. Вон твоя парадная пытка уже висит.

Корин посмотрел на стул, где был аккуратно разложен костюм. Камзол из синего бархата с золотым шитьём, белоснежная рубашка с кружевными манжетами, штаны до колен, чулки... И, конечно, воротник. Жёсткий, накрахмаленный, с кружевами, которые нати-рали шею хуже тёрки.

– Я лучше умру, – честно сказал Корин.

– Придётся потерпеть, – Торвальд был неумолим. – Герцог ска-зал, что если ты снимешь воротник до церемонии, он лишит тебя сладкого на месяц.

Это была суровая угроза. Корин любил сладкое больше всего на свете, если не считать деревянного меча и возможности побе-гать по лужам.

Через полчаса, натянув на себя всё это великолепие и чувствуя себя наряженной куклой, он спустился в малую столовую. Отец уже сидел за столом, читая какие-то бумаги и попивая утренний чай.

Герцог Кортейн был высоким, статным мужчиной с тёмными волосами, в которых уже серебрилась первая седина, и внимательными серыми глазами. Он посмотрел на сына поверх бумаг, и Корин невольно выпрямился.

– Хорошо, – коротко кивнул герцог. – Садись. Завтракай быстро. Выезжаем через час.

– А мама поедет? – спросил Корин, забираясь на высокий стул.

– Маме нездоровится, – в голосе отца мелькнула тень беспокойства. – Она останется дома. Помолится за нас.

Корин кивнул. Мама часто болела. Он уже привык. Но всё равно было обидно, что она не увидит его в этом дурацком костюме. Хотя, может, оно и к лучшему. Она бы точно расплакалась от умиления, а это было жутко неловко.

Завтрак прошёл в молчании. Корин ковырял овсянку, думая о своём. О том, что его, оказывается, собрались женить. На какой-то девчонке. Которая даже говорить не умеет.

– Отец, – не выдержал он. – А зачем мне на ней жениться? Она же маленькая.

Герцог отложил бумаги и посмотрел на сына внимательно.

– Это династический брак, Корин. Когда-нибудь ты поймёшь. Королевству нужен мир. Наш род силён, но короне нужны союзники. Объединив земли, мы создадим державу, которой не страшны никакие враги.

– А если она мне не понравится? – упрямо спросил Корин. Герцог усмехнулся – редкость для него.

– Понравится. Принцессы для того и растут, чтобы нравиться своим будущим мужьям. А теперь доедай и пошли. Нельзя заставлять короля ждать.

Дорога во дворец заняла около двух часов. Корин сидел в карете напротив отца и смотрел в окно на проплывающие мимо поля, деревни, крестьян, работающих в полях. Иногда они оборачивались и кланялись герцогской карете. Корин чувствовал себя важным, но немного глупым в своём нарядном костюме.

Он думал о принцессе. Интересно, какая она? Наверное, толстая и всё время плачет. Младенец же. Или, может, она уже умеет ходить? Ей же полгода. Или в полгода ещё не ходят? Корин запутался в сроках и решил, что проще будет увидеть всё своими глазами.

Дворец встретил их суетой. Слуги бегали по коридорам, отдавая какие-то распоряжения, стражники стояли на каждом углу, а в воздухе пахло почему-то тревогой. Корин уловил этот запах своим детским чутьём.

Взрослые слишком громко шептались и слишком быстро отводили глаза, когда он смотрел на них.

Их провели не в тронный зал, как обещали, а в малую приёмную, где уже ждали несколько лордов и сам король.

Король Эдмунд выглядел ужасно. Корин даже испугался сначала. Бледный, с тёмными кругами под глазами, он сидел в кресле, сжимая подлокотники так, что побелели костяшки пальцев. Рядом с ним стояла пустая колыбель, увитая живыми цветами. Цветы уже начинали вянуть, и это выглядело очень грустно.

– Герцог, – король поднялся навстречу. Голос его дрожал. – Сын-ок, подойди.

Корин покосился на отца, тот кивнул, подталкивая его в спину. Мальчик подошёл к колыбели и заглянул внутрь. Там никого не было.

– А где... – начал он и осекся, потому что король вдруг всхлипнул.

– Её нет, мальчик, – сказал король тихо. – Этой ночью принцессу похитили.

Корин не сразу понял. Похитили – это как? Украли? Как игрушку? Он посмотрел на пустую колыбель, на вянущие цветы, на убитое лицо короля, и внутри у него что-то ёкнуло. Маленькое, но острое.

– Но клятва... – растерянно сказал он. – Мне сказали, я должен клясться.

– Клятва остаётся в силе, – твёрдо произнёс герцог, положив руку ему на плечо. – Ты её жених. И если принцесса найдётся – а она обязательно найдётся – ты должен быть готов.

Король кивнул и жестом подозвал слугу. Тот принёс маленькую бархатную подушечку, на которой лежал перстень с гербом королевского дома – серебряная лилия на синем камне.

– Это знак помолвки, – король взял перстень и протянул его Корину. – Он принадлежал моему отцу, а до того – его отцу. Теперь он твой. Носи и помни: где-то там, – он махнул рукой в сторону окна, за которым простирались леса и горы, – живёт твоя невеста. И ты должен найти её, когда придёт время.

Корин взял перстень. Он был тяжёлый и холодный. Мальчик надел его на большой палец – на остальные кольцо было велико – и сжал в кулаке.

– Я найду, – пообещал он звонко, глядя королю прямо в глаза. – Честное слово.

Король слабо улыбнулся и погладил его по голове.

– Верю, мальчик. Верю.

Церемония была короткой и печальной. Никаких лордов и послов, только несколько самых близких. Корин повторил слова клятвы, которые подсказывал отец, и почувствовал, как они ложатся на его маленькие плечи тяжёлым грузом.

«Клянусь честью дома Кортейн...»

«Клянусь беречь и защищать...»

«Клянусь искать, если потеряю...»

Когда они вышли из дворца, солнце уже клонилось к закату. Корин вертел перстень на пальце, рассматривая, как играет свет в синем камне.

– Ты понял, что сделал? – спросил отец, когда они садились в карету.

– Я пообещал найти её, – ответил Корин серьёзно. – Я найду. Вырасту и найду.

Герцог ничего не сказал, только кивнул и велел кучеру трогать.

Они отъехали от дворца совсем недалеко, когда дорогу им преградил всадник. Лошадь была вся в мыле, бока ходили ходуном,